

Министерство внутренних дел
Республики Казахстан
Карагандинский юридический институт
имени Баримбека Бейсенова

Актуальные проблемы уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного
права в свете Концепции правовой политики
Республики Казахстан

Материалы международной научно-практической конференции

Караганда 2005

ББК 67.408

А 43

Публикуется по решению редакционно-издательского совета

Карагандинского юридического института МВД РК им. Б. Бейсенова.

Редакционная коллегия: академик АЕН РК, доктор юридических наук, профессор И. Ш. Борчашвили, академик МЭА Евразии, доктор экономических наук, профессор Аймагамбетов Е. Б., заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор Жалинский А. Э. (ответственные редакторы); кандидат юридических наук, доцент С. М. Иманбаев; кандидат юридических наук, профессор Р. Б. Кульжакаева; кандидат юридических наук, доцент М. К. Интыкбаев; кандидат юридических наук, доцент Б. М. Курманбаев; кандидат юридических наук, доцент Б. У. Сейтхожин; кандидат юридических наук, доцент З. С. Токубаев, кандидат юридических наук Щebetина М. В., доцент кафедры Пенчуков В. А., кандидат юридических наук Весельская Н.Р.

А 43

Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права в свете Концепции правовой политики Республики Казахстан: Материалы международной научно-практической конференции. — Караганда: КарЮИ МВД РК им. Баримбека Бейсенова, 2005. — 302 с.

ISBN 9965-684-05-7

Данное издание содержит материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права в свете Концепции правовой политики Республики Казахстан», проходившей 12 декабря 2004 г. в Карагандинском юридическом институте МВД РК им. Б. Бейсенова.

Предназначен для практических работников правоохранительных органов, научных сотрудников и преподавателей, а также студентов (слушателей) высших учебных заведений.

П 1203021100

00(05)-05

ББК 67.408

ISBN 9965-684-05-7

©Карагандинский юридический институт

МВД РК им. Б. Бейсенова, 2005.

Доцент кафедры уголовного права и криминологии Кар.ЮИ МВД РК им.Б. Бейсенова, к.ю.н., доцент, подполковник полиции **Сейтхожин Б.У.**

Проблемы квалификации коррупционных преступлений, предусмотренных главой 13 УК РК.

25 сентября 2003 года Законом РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам борьбы с коррупцией» были внесены значительные изменения в Уголовный кодекс РК 1997 г. Прежде всего, изменено название главы 13 УК РК, которая представлена в нынешней редакции как «Коррупционные и иные преступления против интересов государственной службы и государственного управления». Кроме того, впервые перечень коррупционных преступлений дается в примечании к ст.41 УК РК «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». [1] Следует отметить, что отныне данный перечень закреплен в самом уголовном законе, а не в совместном приказе Генерального прокурора РК и Министра юстиции РК, как это было предусмотрено ранее.

Определение же самого понятия «коррупция» содержится в п.1 ст.2 Закона РК «О борьбе с коррупцией» от 2 июля 1998г. (с изм. от 23.07.99г., 28.04.2000г., 8.06.2001г., 12.07.2001г., 9.08.2002г., 25.09.2003г. и от 11.05.2004г.), которая гласит: «под коррупцией понимается не предусмотренное законом принятие лично или через посредников имущественных благ и преимуществ лицами, выполняющими государственные функции, а также лицами, приравненными к ним, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей, а равно подкуп данных лиц путем противоправного предоставления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ».

В обращении Президента Казахстана Н.А. Назарбаева к гражданам республики подчеркивается, что «коррупция все глубже проникает в различные сферы нашей жизни, искажает экономическую политику и стратегию развития страны, ведет к прямому и косвенному хищению государственного бюджета и государственной собственности. А значит, оказывает все более серьезное и негативное влияние на социальную сферу, которая так нуждается сегодня в средствах. Коррупция сильно ослабляет и производственный сектор, где на многих предприятиях руководит нерадивый или вороватый менеджмент, который ухудшает инвестиционный климат и закрывает дорогу в страну добросовестным инвесторам. Кроме того, она несет более глобальные угрозы, подрывая демократические устои общества, веру в закон и в справедливость. Она подрывает и нравственные ценности, которые, еще не успев принять форму цивилизованных, общечеловеческих, серьезно искажаются». [2]

Отличительная особенность коррупционных и иных преступлений против интересов государственной службы и государственного управления заключается в том, что они совершаются людьми, которые сами призваны соблюдать законы и не допускать их нарушение другими лицами. Широкая распространенность коррупционных преступлений (в 2001 г. в целом по республике было зарегистрировано 2206 преступлений, в 2002 г. – 2042 преступлений, в 2003 г. – 807 и за 2004 г. было выявлено 1367), предопределила необходимость принятия законодателем особо строгих мер, направленных на борьбу с коррупционными преступлениями.

В целях разрешения существующих проблем в сфере борьбы с коррупционными преступлениями, а также в связи с внесенными изменениями в главу 13 УК РК, назрела потребность в правильном уяснении смысла и содержания дефиниций «коррупционные преступления» и «иные преступления против интересов государственной службы и государственного управления», определение которых осложнено отсутствием единого подхода в законе и в юридической литературе.

Более того, выявление специфических признаков преступлений против интересов государственной службы, и на основе этого формирование понятия «коррупционные и иные преступления против интересов государственной службы и государственного управления» имеет важное теоретическое и практическое значение для правильной квалификации и отграничения их от коррупционного правонарушения. Так, например, в главе 30 Кодекса РК об административных правонарушениях предусмотрен исчерпывающий перечень коррупционных административных правонарушений, что позитивно отражается в решении вопросов административной ответственности за коррупционные правонарушения, способствует упорядочению их учета.

Анализ перечня коррупционных преступлений позволяет утверждать, что они расположены в четырех разных главах УК РК (п. «г» ч.3 ст.176 УК отнесен к главе 6; п. «а» ч.3 ст.193 и п. «а» ч.3 ст.209 УК – соответственно к главе 7; ст.ст.307, п. «в» ч.4 ст.308, 310-315 УК – к главе 13 и ст.380 УК – к главе 16). Исходя из особенностей построения системы Особенной части Уголовного кодекса РК, в основе которой лежит родовой объект преступления, невозможно объединить в одной главе все коррупционные преступления, посягающие на собственность, на отношения в сфере экономической деятельности, на интересы государственной службы, а также на нормальную деятельность воинской службы. В противном случае, такое объединение было бы условным и нарушило бы принцип построения системы Особенной части УК по признаку родового объекта. Традиционно главы Уголовного кодекса РК, объединяющие группы однородных преступлений и имеющие единый родовой объект, имеют достаточно четкие и определенные названия, позволяющие без труда обозначить направленность общественно опасных деяний на определенные группы охраняемых уголовным законом интересов. При этом законодатель учитывает определенные объективные факторы и обстоятельства, в числе которых исторические традиции и преемственность в правовом регулировании и законодательной технике классификации соответствующих уголовно-правовых норм.

Отсюда следует, что указанные в примечании к ст.41 УК РК преступления никак не могут быть объединены в одной главе, именуемой как «коррупционные и иные преступления против интересов государственной службы и государственного управления».

Анализ главы 13 УК РК «Коррупционные и иные преступления против интересов государственной службы и государственного управления» показал, что она имеет определенные недостатки. Так, возникает вопрос: какие преступления следует относить к «иным преступлениям против интересов государственной службы»? Что будет выступать

для таких преступлений объектом посягательства? Поэтому указание в названии главы 13 УК РК на неопределенные «иные преступления против интересов государственной службы и государственного управления» не соответствует требованиям законодательной техники и затрудняет установление родового признака данной группы посягательств. В связи с этим считаем, что нет необходимости в названии главы 13 УК РК классифицировать рассматриваемые преступления на коррупционные и иные преступления, а достаточно обозначить направленность этих посягательств на интересы государственной службы, под которой в соответствии со ст.1 Закона РК «О государственной службе» от 23 июля 1999 г. (с изм. от 4.06.2001 г., 11.03.2003г., 21.04.2003 г. и от 25.09.2003г.) понимается «деятельность государственных служащих в государственных органах по исполнению должностных полномочий, направленная на реализацию задач и функций государственной власти».[3] Сущностная характеристика интересов государственной службы содержится в положениях Закона РК «О государственной службе», закрепляющих основные принципы государственной службы (ст.3), обязанности государственных служащих (ст.9), ограничения, связанные с пребыванием на государственной службе (ст. 10) и т.д.

Кроме того, не ясно, какие преступления в названной главе следует относить к преступлениям против государственного управления. Данное обстоятельство порождает вопросы соотношения этой группы преступлений с преступлениями против порядка управления (глава 14 УК РК), которые также посягают на интересы государственного управления. На наш взгляд, все это неизбежно приводит к трудностям в следственно-судебной практике при квалификации коррупционных преступлений, и, естественно, при разграничении преступлений, предусмотренных главами 13 и 14 УК РК.

Нам представляется, что в настоящей редакции главы 13 УК РК законодатель не учел существующие противоречия и только ввел путаницу в действующее уголовное законодательство РК. К тому же, нельзя не отметить, что вряд ли законодатель пошел бы на переименование названия главы 1 Особенной части УК «Преступления против личности» на «Насильственные и иные преступления против личности» или главы 6 УК «Преступления против собственности» - на название: «Корыстные и иные преступления против собственности».

В свете изложенного, представляется целесообразным вернуть главе 13 УК РК ее прежнее название — **«Преступления против интересов государственной службы»**.

Следует отметить, что понятие и признаки субъекта преступлений, предусмотренных главой 13 УК РК, вырабатывались многолетней теорией уголовного права и практикой применения уголовного законодательства. При этом, в соответствии с внесенными изменениями от 25 сентября 2003г., примечание к ст.307 УК РК дополнено двумя совершенно новыми категориями субъектов преступлений: 1) лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций и 2) приравненными к ним лицами.

К лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, относятся должностные лица, депутаты Парламента и маслихатов, судьи и все государственные служащие в соответствии с законодательством РК о государственной службе. **К ним приравниваются:** 1) лица, избранные в органы местного самоуправления; 2) граждане, зарегистрированные в установленном законом порядке в качестве кандидатов в Президенты РК, депутаты Парламента РК и маслихатов, а также в члены выборных органов местного самоуправления; 3) служащие, постоянно или временно работающие в органах местного самоуправления, оплата труда которых производится из средств государственного бюджета РК; 4) лица, исполняющие управленческие функции в

государственных организациях и организациях, в уставном капитале которых доля государства составляет не менее 35 %.^[4]

В ст.307 УК РК ответственность за злоупотребление должностными полномочиями дифференцирована в зависимости от того, совершается ли это деяние лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций либо приравненным к нему лицом (ч.1), должностным лицом (ч.2) или лицом, занимающим ответственную государственную должность (ч.3).

Анализ примечания к ст.307 УК свидетельствует о наличии противоречий в вопросе специального субъекта преступления. Признавая вполне обоснованным усиление уголовной ответственности лиц, занимающих ответственную государственную должность, (что имело место и в прежней редакции ст.307 УК), вместе с тем, вряд ли, на наш взгляд, можно согласиться с позицией законодателя, установившего в ч.1 и в ч.2 ст.307 УК РК различное наказание за деяние, совершенное, по сути, одним и тем же субъектом преступления - должностным лицом. При этом, не представляется возможным разграничить ответственность **должностных лиц**, отнесенных к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций (ч.1 ст.307 УК РК) и **должностных лиц**, уголовная ответственность которых предусмотрена в ч.2 ст.307 УК РК.

Полагаем, что действия названных субъектов преступлений подпадают одновременно под признаки ч.1 ст.307 УК РК и ч.2 ст.307 УК РК, имеющих различные санкции. Изложенное положение не только нарушает принцип законодательной техники построения уголовно-правовой нормы, но и показывает несовершенство редакции ст.307 УК РК, которое препятствует единообразному ее применению.

Устранение указанного противоречия, на наш взгляд, возможно разрешить путем внесения изменений в содержание примечания к ст.307 УК РК. При разъяснении понятия «**лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций**», считаем целесообразным, не следует использовать такое словосочетание, как «**должностные лица**».

Кроме этого, возникает и другой вопрос: на чем основано решение законодателя и по какой части ст.307 УК РК следует квалифицировать действия, например, судьи или депутата Парламента РК, которые в соответствии с п.1 примечания к ст.307 УК отнесены **к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций**, а в соответствии с п.4 примечания к ст.307 УК – судьи и депутаты Парламента РК в тоже время являются **лицами, занимающими ответственную государственную должность**? Таким образом, это означает, что действия названных субъектов преступлений одновременно подпадают под признаки и ч.1 ст.307 УК РК и ч.3 ст.307 УК РК, с различными санкциями. Естественно напрашивается вывод, что вышеизложенное положение противоречит закону и, конечно же, препятствует единообразному его применению.

Аналогичное противоречие прослеживается и при квалификации данного преступления, совершенного государственными служащими. Согласно п.1 примечания к ст.307 УК РК все государственные служащие относятся к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, ответственность которых предусмотрена ч.1 ст.307 УК.

Так как в п.1 примечания к ст.307 УК речь идет о всех государственных служащих, то естественно к ним относятся также лица, занимающие политические должности государственных служащих. В тоже время, в соответствии с п.4 примечания к ст.307 УК,

лиц, занимающих политические должности государственных служащих, необходимо относить к категории субъектов, занимающих ответственную государственную должность. В этой связи возникает вопрос: по какой части (ч.1 или ч.3) ст.307 УК РК следует квалифицировать действия лиц, занимающих политические должности государственных служащих?

Считаем, что подобное противоречие должно быть разрешено законодательным путем. На основании вышеизложенного, полагаем, что в целях устранения сложившихся противоречий в ст.307 Уголовного кодекса РК и соответственно в целях единообразного применения уголовного закона, нам представляется, что Верховный Суд РК должен принять соответствующее Нормативное постановление, в котором бы давались разъяснения по спорным вопросам при квалификации коррупционных преступлений.

---

[1] Казахстанская правда. 2003 г. 25 сентябрь

[2] Казахстанская правда. 1998 г. 14 июля

[3] Государственная служба в РК. // Под общ. ред. Турисбекова З.К. – Астана. 2003 г. С. 14.

[4] Примечание к ст.307 УК изложено в редакции Закона РК № 484 от 25 сентября 2003 г.